

Чжан Шигэ был тем ещё чудаком — даже когда огонь уже лизал пятки, говорил медленно и обстоятельно, без тени волнения:

— Кто-то выдаёт себя за нашу школу Бэйван? А что в наших учениках такого, чтобы их подделывать? Мы же гол как сокол.

На кой ляд кому-то притворяться нами? Чтобы за нас долги платить?

Цзян Юньцюэ не выдержала, повысила голос и сверкнула глазами:

— Старший брат Чжан! С тобой вообще нельзя говорить! Главное — убить Вопрошающего об именах, убить!

Чжан Шигэ кивнул с понимающим видом:

— А, понятно. Наверное, наш учитель столько добра накопил, что кто-то решил за него заступиться.

Цзян Юньцюэ терпение лопнуло. Она сжала кулак и треснула Чжан Шигэ по его заскорузлой башке.

— Какой там заступиться! Все уже мертвы, полегли от рук Вопрошающего об именах. Это не заступничество, а подстава! Хотят поссорить Вопрошающего с нашей школой Бэйван!

Отношения и так натянуты, а тут ещё это!

Цзян Юньцюэ с детства слыла в школе Бэйван маленькой пройдохой. Старший брат-ученик послал её следить именно потому, что верил в её смекалку. Увидев на берегу реки Нинлюй человека в маске, который использовал технику школы Бэйван, она сразу поняла — дело дрянь. Но в тот момент схватка была слишком хаотичной, а Вопрошающий об именах действовал так стремительно и жестоко, что она застыла как вкопанная, не то что выступить с объяснениями от имени школы.

Особенно когда она услышала, как Вопрошающий об именах ледяным тоном произнёс «школа Бэйван», холодная дрожь пробежала от пяток до макушки. Не успев ничего обдумать, тело уже само рвануло прочь, куда глаза глядят.

В голове у неё была пустота, лишь одна мысль пульсировала: не хочу умирать, не хочу стать как те, что лежат на земле.

Цзян Юньцюэ хоть и пройдоха, но всё же юная девчонка, только что спустившаяся с гор. Мир она ещё не видала, целыми днями грезилась о встрече с сильным да красивым суженым. Кровавые бури ремесленничьего мира, его скоротечность и жестокость были для неё пока лишь пустыми словами, лишёнными веса. Потому и тренировалась она спуская рукава, предпочитая дурачиться с братьями и сёстрами. Боевым искусствам она была не сильна, зато лёгкое мастерство сноровила неплохо. Она никому в жизни зла не причиняла, не убивала, хотела лишь радоваться каждому дню — и уж точно не желала сгинуть непонятно за что...

— Младшая сестра-ученица.

Чжан Шигэ, заметив, что лицо Цзян Юньцюэ побелело, резко окликнул её.

Та вздрогнула, будто очнувшись ото сна, и забормотала в страхе:

— Вдруг Вопрошающий об именах решит, что мы лицемеры? Что на словах не суёмся, а сами тайком следим, чтобы прирезать? Может, он... может, он разозлится и вернётся?

Если вернётся, то, возможно, уже здесь... Значит, это она его навела...

Она подняла на Чжан Шигэ испуганный взгляд и прошептала:

— Я... я не...

Не совершила ли ужасной ошибки?

Если бы она не убежала, а осталась, чтобы доказать невиновность школы, возможно, удалось бы завоевать доверие. Почему же она рванула? Это же равно признанию вины!

Вдруг... вдруг...

Чжан Шигэ похлопал её по плечу и вдруг спросил:

— А тот юноша, что был с Вопрошающим об именах, тоже там был?

Цзян Юньцюэ:

— А? Был... А тебе зачем?

Чжан Шигэ:

— Да так, спросил. Подумал, если бы кто его уговорил, может, Вопрошающий об именах и не стал бы нас искать.

Цзян Юньцюэ с изумлением уставилась на невозмутимого Чжан Шигэ. Ей стало и смешно, и досадно.

— Старший брат, да ты вообще... Тебе хоть бы что?

Чжан Шигэ развёл руками:

— Ха-ха, младшая сестра, не парься, — похлопал себя по груди, — даже если Вопрошающий об именах явится, я тебя защищу.

От этих бесшабашных слов страх в душе Цзян Юньцюэ поутих, и она снова обрела дар речи:

— Тебя-то? Тебя?

Чжан Шигэ:

— Я ведь тренировался, чтобы тебя защищать, младшая сестра.

Цзян Юньцюэ безжалостно отрезала:

— Брось, старший брат. Учитель же говорил, что когда тебя подобрали, ты уже умел драться.

Чжан Шигэ:

— Ха-ха, вот это похоже на мою младшую сестру! Успокойся, ступай разбуди учителя и остальных братьев. Соберёмся — всё обсудим.

Цзян Юньцюэ:

— Старший брат-ученик тоже напился?

Тот самый, на кого всегда можно положиться?

Чжан Шигэ покачал головой:

— Нет, он пошёл в дом Фань передать весточку и ещё не вернулся.

Цзян Юньцюэ:

— Просто сообщить, что младший сын семьи Фань вернулся... Чего так долго?

Чжан Шигэ задумчиво кивнул:

— Может, старик Фань задержал, деньги на дорогу вручает.

Цзян Юньцюэ:

— Старший брат, какой ещё дороги! Не время шутить! Я пойду будить учителя, а ты смотри в оба — вдруг Вопрошающий об именах и вправду нагрянет...

Чжан Шигэ:

— Не волнуйся, младшая сестра. Всё будет в порядке.

Абсолютная уверенность в его тоне поразила Цзян Юньцюэ. В её памяти этот подобранный брат всегда был беспечным весельчаком, редко проявлял инициативу, и ни боевые навыки, ни способности не вселяли особой веры.

Но почему-то эта, казалось бы, беспричинная уверенность вдруг обрела вес. И вправду заставила Цзян Юньцюэ на время отбросить тревоги, успокоиться и пойти наверх за учителем.

Проводив сестру-ученицу взглядом, Чжан Шигэ остался стоять на месте. На его лице застыла улыбка — нежная, но с лёгкой усталостью. Голос по-прежнему звучал твёрдо:

— Не тревожься, младшая сестра. Никаких недоразумений не будет.

Он обернулся, глядя на пятнистые тени деревьев за окном трактира, и тихо, так, что слышно было лишь ему самому, произнёс:

— Раз глава павильона был там, я ему обо всём доложу.

...

На берегу реки Нинлюй густой тростник колыбался на ветру, словно морские волны. Сухие стебли вымахали в половину человеческого роста, скрывая под собой кровь и тела. Среди зарослей таилась убийственная аура — кто-то сжимал окровавленный тонкий меч, затаив дыхание и выжидая момента.

Тан Шаотан: «...»

А Цзю хотел оставить живого для допроса. А этот живой прятался в тростнике шагах в

двадцати к востоку.

Убить на такой дистанции легко. Взять живым — сложно.

Смертельный яд был спрятан у того в зубах. Если Тан Шаотан бросится вперёд опрометчиво, может спровоцировать того на отчаянный шаг — принять яд. А высокий тростник к тому же мешал обзору: даже если бы он действовал быстро, точность не была бы гарантирована.

Тан Шаотан оказался в затруднении. Убивать он умел. Брать живьём — был новичком.

Подумал: «Вот если бы удалось спровоцировать его на атаку...»

— Эй, куда так несёшься? Нашёл живого?

Убийца в тростнике не шелохнулся. Первым подошёл А Цзю — громко, без всякой осторожности. Голос опередил появление.

Тан Шаотан был несколько озадачен таким поведением, спугивающим цель, и не удержался от реплики:

— Сам говорил — времени в обрез.

Торопиться велел А Цзю, теперь же упрекал за скорость. Все реплики он забрал себе.

А Цзю не обратил внимания. Некоторое время он бесцельно разгребал мешающий тростник, затем хлопнул тыльной стороной ладони Тан Шаотана по предплечью и скомандовал:

— Трава мешает. Может, срежешь её всю?

Тан Шаотан повернул к нему голову. Не двинулся. Возможно, никогда не слышал столь капризных просьб и инстинктивно отказался выполнять.

Однако дни, проведённые вместе, подготовили его. Теперь такие слова из уст А Цзю казались вполне уместными и не вызывали удивления.

Его светлые глаза моргнули в замешательстве. Он не мог понять: А Цзю серьёзно просит срезать тростник или шутит?

А Цзю, видя, что тот застыл, взял меч (непонятно когда подобранный) и принялся небрежно срубать мешающие стебли. Сам же двинулся на восток. Прошёл десять шагов.

До укрывшегося убийцы оставалось всего десять шагов.

Тан Шаотан поднял взгляд: «...»

Он намеренно?

А Цзю: «...»

Он намеренно.

Девять шагов.

Восемь.

Семь.

Не нужно было приближаться дальше. Убийца уже был обнаружен.

А Цзю: «...?»

«Убийцей» оказалась женщина.

На ней был облегающий костюм, простой зелёный наряд со множеством явных следов от мечей. Раны кровоточили. Её глаза, ясные и острые, не выражали ни слабости, ни усталости — лишь холодную сталь.

На убийцу она не походила. Скорее уж на...

<http://bllate.org/book/16258/1462712>